

УДК 811 221.18 '38

О ЯВЛЕНИИ СУБСТАНТИВАЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ПРИЧАСТИЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Дзодзикова З.Б., Качмазова Е.С.

ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», Владикавказ, Россия (362025. Владикавказ. ул. Ватутина, 46), e-mail: dzodzikova@mail.ru

В статье рассматривается малоисследованный вопрос осетинской морфологии – дифференциация именных частей речи, а именно прилагательных и существительных. Авторы статьи, опираясь на материал «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В.И. Абаева, выделили группу прилагательных и причастий, подвергшихся со временем языковой субстантивации. В работе оспаривается имеющееся в осетиноведческой литературе утверждение о том, что при опущении существительного предшествующее ему прилагательное, не меняя свой частеречный статус, начинает склоняться. В работе опровергается данное суждение и выдвигается мнение, что подобные случаи демонстрируют контекстуальную (речевую) субстантивацию. В исследовании авторами обращается особое внимание на остроту указанной проблемы и определяется тем самым ее бесспорная актуальность. Изложение природы субстантивации прилагательных и причастий в современном осетинском языке нашло свое отражение в данной работе.

Ключевые слова: субстантивация, именные части речи, существительное, прилагательное, причастие, словосочетание, языковая субстантивация, контекст, частеречный статус

ABOUT THE PHENOMENON OF SUBSTANTIVIZATION OF ADJECTIVES AND PARTICIPLES IN THE OSSETIAN LANGUAGE

Dzodzikova Z. B., Kachmazova E. S.

Ossetian language and literature of Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "North Ossetian State University named after Costa Levanovich Khetagurov", Vladikavkaz, Russia (362025. Vladikavkaz, Vatutina Street 46), e-mail: dzodzikova@mail.ru

The article discusses the issue of scantily explored Ossetian mythology - differentiation of nominal parts of speech - namely, adjectives and nouns. The authors, based on the article "Historical and etymological dictionary of Ossetian language" VI Abaeva, identified a group of adjectives and participles exposed over time the language substantivizing, ie not associated with the context of the transition of the nouns. In the contested osetinovedcheskoy available in the literature the assertion that the omission of the adjective noun preceding it, without changing the status of its part of speech, began to lean. The paper refutes this judgment and put forward the view that such cases demonstrate the contextual (voice) Substantivation. The study addresses the authors focus on the acuteness of this problem and is defined by its most undeniable urgency. The presentation of the linguistic nature of adjectives and participles in modern Ossetian language is reflected in this paper.

Keywords: substantivization, nominal parts of speech, noun, adjective, participle, word combination, language substantivization, context, parts of speech status

Развитие языка предполагает изменения лексического и морфологического характера определенных частей речи. В частности, может происходить субстантивация прилагательных и причастий.

В осетиноведении явление субстантивации не подвергалось еще комплексному исследованию, но оно было затронуто в связи с рассмотрением проблемы разграничения именных частей речи [5] и вопроса исторического развития причастий [6]. При исследовании первого вопроса выяснилось, что субстантивация прилагательных представлена в осетинском

языке в двух видах, одним из которых является языковая субстантивация, т.е. не связанный с контекстом переход слова в группу существительных. Материал «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В.И. Абаева позволяет сделать вывод о том, что в процессе развития языка субстантивации подверглась целая группа прилагательных, к которым относятся такие слова, как: *фидар* – крепкий, крепость; *маст* – горький, неприятность, переживание; *заеронд* – старый, старость; *хистæр* – старший (по возрасту); *кастæр* – младший (по возрасту) и т.д. [1]. Данный вид субстантивации следует называть полным, языковым. Заслуживает внимания еще одно явление, касающееся существительных и прилагательных. Авторы действующих осетинских грамматик пишут, что в осетинском языке при опущении существительного прилагательное может склоняться. Так, в «Грамматике осетинского языка» пишут, что, находясь впереди определяемого имени существительного в качестве определения, прилагательное само остается без изменения: изменяется все словосочетание, причем падежные окончания присоединяются к имени существительному [4: 133–134]. Сказанное подкрепляется примерами в виде сочетаний прилагательных и существительных, в которых падежные окончания присоединяются ко вторым словам: *барзонд балас* «высокое дерево», *барзонд баласæн* – «высокому дереву»; *барзонд баласæй* – «с высокого дерева» и т.д. В той же работе утверждается также мысль о том, что, «когда имя прилагательное берется без определяемого имени существительного, то оно изменяется, т.е. склоняется. Склонение имен прилагательных ничем не отличается от склонения имен существительных». Отметим, что аналогичное суждение высказано и в другой действующей осетинской грамматике [3: 355]. В указанных выше книгах утверждается, что множественное число существительных и прилагательных в осетинском языке образуется при помощи суффикса *-т* и что их образование сопровождается одинаковыми фонетическими изменениями в основе слов: *фарс* – *фарстæ* – «бок – бока», *барзонд* – *барзæндтæ* – «высокий – высокие», *туаг* – *туагтæ* – «кислый – кислые». Такие выводы авторов по данной проблеме вызывают ряд вопросов.

Во-первых, вызывает сомнение то утверждение, что синтаксическое словосочетание, состоящее из прилагательного и существительного, обладает признаком грамматической единообразности. Такое утверждение можно подвергнуть сомнению, так как оно ставит их грамматически в один ряд с однородными членами предложения, которые, являясь синтаксически равноправными, имеют в осетинском языке общее падежное окончание, хотя чаще всего флексия присоединяется только к последнему из однородных членов (сравним: *чызгæмæ лæппуйы ныййарджытæ* (родители девушки и парня). В данном примере окончание *-ы* в слове *лæппуйы* (парня) относится и к первому существительному *хо* (сестра), т.е. в приведенном

выше словосочетания (*чызг æмæ лæппуйы ныййарджытæ*) представлена групповая флексия (в данном случае *-йы*). Что же касается словосочетаний, состоящих из существительного и прилагательного, то их компоненты не являются равноправными как на лексическом, так и на синтаксическом и морфологическом уровнях. Поэтому трудно согласиться с утверждением о том, что в определенных случаях возможен переход падежного окончания и суффикса множественности существительного на предшествующее ему прилагательное.

Во-вторых, авторы указанных грамматик не рассматривают возможность существования в осетинском языке явления субстантивации прилагательных, которое проявляется при опущении в речи определяемого существительного. К примеру, рассмотрим следующее предложение: *Раззæгтæ фæстæгтæм нал банхъæлмæ кастысты* «Передние не подождали последних». Контекст подсказывает, что слова *раззæгтæ* и *фæстæгтæм* употреблены в значении существительных. При этом слово *фæстæгтæм* приняло морфологические признаки существительного – суффикс множественного числа *-т* и окончание именительного падежа *-æ*. В этой ситуации наш пример демонстрирует еще одну разновидность субстантивации, а именно – контекстуальную (речевую). Из всего сказанного следует, что при разграничении осетинских существительных и прилагательных следует брать во внимание не только семантику слов и их морфологические показатели, но и словообразовательные особенности, а также способность подвергаться в речи субстантивации и адъективации.

История изучения причастия в осетинском языкознании начинается, как нам известно, с «Осетинской грамматики» А. Шегрена. В названной грамматике осетинские причастия представлены как «двуприродные», и это утверждение автора не формально. В § 60–62 причастия озаглавлены как «Имена отыменные и отглагольные» 9.

Автор первым из исследователей заметил знаменательное свойство причастий – заменять собой утверждение, т.е. предложение, и что «осетинские причастия часто превращаются в существительные, напр., *марæг* «убийца», *мард* «убитый, умерший, покойник» 9: 452.

Не все осетиноведы выделяли эту языковую единицу как самостоятельную категорию или же как вообще *причастие*. К примеру, Кочиев Бидзина осетинские причастия рассматривает под рубрикой «*Мивдисæгон номдартæ*» – «Глагольные существительные» 8.

Н.К. Багаев также не использует термин «*причастие*»: дает их под рубрикой «*Именные формы глагола*», а внутри этой рубрики – под заглавием «*Отглагольные имена (существительные и прилагательные)*» 3: 350–356. Вероятно, то обстоятельство, что все причастные формы оказываются *изменяемыми*, заставляет автора отказаться от такого термина, как «*причастие*».

Некоторые причастия в осетинском языке давно перешли в разряд имен существительных (историческая субстантивация), и часто мы их уже не рассматриваем как причастия: *кæрдæг* – трава, *амонд* – счастье, *æрдхорд* – друг, *уасæг* – петух, *зад* – солод, *хæринаг* – пища, *уынд* – вид, *конд* – внешность, *хуыссаг* – сон, *ахуыргæнаг* – учитель, *нывгæнаг* – художник и некоторые другие.

Слово *кæрдæг* (трава) мы рассматриваем без существительного как субстантивированное слово. У Абаева по этому поводу в «Историко-этимологическом словаре» читаем: «*Kærdæg* «трава»; *Kærdægхуз* «зеленый» («цвета травы») – *gal ma næ faxizy ахæм с'æх кæрдæгыл* (*гал ма на фæхизы ахæм цъæх кæрдæгыл!*) «волю ли не пастись на такой зеленой траве! (Коста, 75) Лексикализованное причастие от *kærdyn* 'косить'; буквально «косимое» [1: 581 – 583]. И еще такое мнение к другим подобным словам: «*Zad* (зад) 'солод'; *zadyn* «чурек из солодовой муки»; пирог с солодовой начинкой»; *zad æftaun* 'замачивать зерно на солод', «солодить». – *zad arazync qæbæгхог, mæпæw, с`ој æтæ nartxoræј* «солод готовят из ячменя, пшеницы, ржи и кукурузы» Лексикализованное прошедшее причастие от *zajun* 'расти', буквально «проросший». Первоначально употреблялось, надо думать, как прилагательное: *zad хог* «проросшее зерно», со временем субстантивировалось; «*amond* 'счастье'; в диг. также сострадание, 'грех' (по значению близко к *tærigæd*); *Amond næ хæссы бирæ* «счастье не продолжается долго» (Коста, 49)... Старая форма прошедшего причастия от глагола *amonyn* (*amonyn* 'показывать', в смысле «предуказанное, 'предопределенное', 'судьба'; амбивалентность значения подтверждается такими выражениями, как *хæгз – amond* 'добрый' и *amond u fud* 'дурной *amond*'). Современная форма прошедшего причастия от *amonyn* характеризуется ослаблением гласного основы: ср. *zond* 'ум' при *zonyn*: *zund* 'знать'; см. *amonyn*» [1: 51 – 52]. И: «*wynd* (*wynd(a)*, 'вид', 'внешность', 'облик'...*mæ wyndmæ myn ma kæs, - næ bæссын кызгæн* (*мæ уындмæ мын ма кæс, - на бæссын чызгæн*) «не смотри на мою внешность, – я не гоюсь в девушки» (Коста 52):...Лексикализованное прошедшее причастие от *wynyn* / *winyun* 'видеть', q.v., как *konд* 'строение', 'сложение' от *kæpyn*, *kyst* 'работа' от *kysyn* и т.п.» [1: 116].

Отметим, что вышеназванные субстантивы приобретают предметность, но могут являться и причастиями, что будет зависеть исключительно от контекста: *æлгыст заман* – проклятое время, *фыссаг лæппу* – пишущий мальчик, *нывгæнаг адаймаг* – рисующий человек и т.д.

В разряд имен существительных осетинские причастия переходят в форме настоящего, прошедшего и будущего времен: *дзурæг* – говорящий, *кувæг* – молящийся, *прозносыцый тост*, *кафæг* – танцующий (настоящее); *хæрд* – еда, *нозт* – выпивка, *куывд* – тост (прошедшее);

харинаг – еда, пища, *дзуринаг* – то, что следует рассказать, *фыцинаг* – то, что следует спечь, сварить (будущее):

Н.К. Багаев считает: «Именные формы на *-аг* бывают в значении существительных и прилагательных. Будучи в значении имен существительных, они обозначают название действующего лица или предмета, например: *фыссаг* – писатель, *дзураг* – говорящее лицо, *бадаг* – сиделка, *кусаг* – рабочий, *касаг* – читатель, *цараг* – житель» [3: 350].

Именные же формы на *-инаг* от переходных глаголов бывают:

«а) в значении имен существительных, выражающих название предметов по производимому над ними действию, например: *харинаг* – кушание, *алвисинаг* (шерсть), подлежащая прядению, *кусинаг* – предмет работы, *хъусинаг* – объявление, *даринаг* – иждивенец, *каординаг* – то, что должно быть скошено, сжато и т.д.» [3: 350].

У него же: «Именные формы на *-д, -т, -ст, -ад*: а) в значении имен существительных бывают от всех глаголов (переходных и непереходных) и обозначают названия производимых действий, например: *хард* – еда, *цуд* – ход, *цард* – жизнь, житье; *равдыд* – ласка, *тахт* – полет, летание; *тыхт* – сверток; *фыст* – письмо, писание; *хъызт* – вьюга, *уарзт* – любовь, *кафт* – пляска и т.д...» [3: 350].

Заметим также, что при любом падежном изменении причастия в осетинском языке также субстантивируются: *кусаг* – *кусаджы* – *кусагаен* – *кусагма* – *кусагай* – *кусагима* – *кусагыл* – *кусагау* и при приобретении суффикса множественного числа *-т*: *дзураг* – *дзурджыта*, *фыссаг* – *фысджыта*, *лаууаг* – *лауджыта* и др.

Явление субстантивации причастий в осетинском языке свойственно почти большинству причастных форм глагола. Например, слова *зараг* – песня / поющий, *фыссаг* – писатель / пишущий, *харинаг* – кушанье / кушающий, *уайганаг* – продавец / продающий, *нывганаг* – художник / рисующий, *ахуырганаг* – учитель / обучающий, *кардаг* – трава / косящий и иные могут одновременно обозначать и предметы, и признаки.

Подобные примеры в составе предложений приводятся и в статье, где затрагивается вопрос о субстантивации причастий в осетинском языке. В ней характеризуются глаголы *худын*, *хуыфын*, *ахснырсын* и некоторые другие, от которых образуются слова-субстантивы при помощи суффикса *-аг*: *худаг* – «смех», *хуыфаг* «кашель», *ахснырсаг* «насморк», «чихание» и иные, в которых суффикс *-аг* справедливо считается показателем полноценного действителя. Так, например: *худаг* – «тот, кто смеется», *хуыфаг* – «тот, кто кашляет» и т.д. [6:43-46]. Здесь же выявляются синтаксические функции субстантивированных причастий. К сказанному

автором указанной выше статьи можно добавить, что приведенные в работе примеры также являются проявлением языковой и речевой субстантивации.

Суффикс будущего времени причастия *-инаг* рассматривается В.И. Абаевым следующим образом: «От инфинитива образуются причастия будущего времени: *даринаг* (от *дарын* + *аг*) «иждивенец» (тот, кого нужно содержать), *харинаг* «пища» (то, что подлежит съедению), *худинаг* «позор» (то, что подлежит осмеянию), *тауинаг* «семена» (то, что подлежит высеванию) и т.п.» [2: 659].

Итак, имея конкретное представление о причастиях осетинского языка, мы можем подчеркнуть, что они образуются от всех глаголов (простых и сложных, переходных и непереходных) и что они активно субстантивируются.

Из изложенного нами выше делаем вывод о том, что прилагательное и причастие в современном осетинском языке (особенно причастие) субстантивируются в зависимости от контекста.

В целом без контекста многие осетинские прилагательные и причастия порой невозможно отнести к тому или иному классу слов.

Список литературы

1. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка / Приложение к «Осетинско-русскому словарю». Орджоникидзе, 1970.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1–4. М.-Л.: Наука, 1958–1989.
3. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. I (Фонетика и морфология). Орджоникидзе, 1965.
4. Грамматика осетинского языка / Под ред. Г.С. Ахвледиани. Т. 1 (Фонетика и морфология). Орджоникидзе, 1963.
5. Дзодзикова З.Б., Кунавин Б.В. Вопрос разграничения существительных и прилагательных в современном осетинском языке в сопоставлении с русским // Вестник СОГУ. 2012. — № 1.
6. Качмазова Е.С. Образ причастия в иранистике (на примере осетинского языкознания) // Вестник ПГЛУ. 2012. — № 2. — С. 43–46.
7. Кочиев Бидзина. Ирон æвзадзы грамматикаæ. Цхинвал, 1930.
8. Русская грамматика АН СССР. 1 т. М.: Наука, 1982.

9. Шёгрэн А.Ф. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1844.

Рецензенты:

Годизова З.И., д.фил.н., доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ;

Сенько Е.В., д.фил.н., профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ.